

УДК 111.1:161.1

© *Е. А. Буянова, 2008*

КАРТИНА МИРА В ЯЗЫКОВОМ КОНТЕКСТЕ

Буянова Е. А. – ст. преп. кафедры «Иностранные языки» асп. кафедры «Философия» (ДВГГУ)

Картина мира – одна из компонент контекста художественного текста. Будучи зафиксированной средствами языка, картина мира не является очевидной и требует анализа смыслового содержания языкового уровня контекста. Такой анализ позволяет обнаружить природные основания национальной картины мира. Поскольку любая этническая группа оперирует такой структурой в процессе познания, постольку возможен перевод текстов с одного языка на другой.

The world image is one of the components of the fictional text context. Being fixed by linguistic means, the world image is not obvious. To make it evident one has to analyse the meanings of the context at its linguistic level. That allows to find out the natural basis of an ethnic world image. Since any ethnic group uses similar structure in their cognitive process, the translation of a text from one language into another becomes possible.

Ключевые слова: картина мира, родной язык, языковой контекст.

В вопросах понимания текста рассматриваются, как правило, две основные фигуры – автор и адресат. Чтобы дать адекватную оценку влиянию, оказываемому каждым из них на смысл текста, необходимо учитывать совокупность различных факторов, к числу которых следует отнести присущее определенному субъекту знание о мире. Существенная часть такого знания словом не оформляется, является неявной, т. е. принадлежит контексту. Если автор и адресат являются представителями одного и того же культурного и языкового сообщества, то разделяемое ими общее знание больше по сравнению с ситуацией, когда субъекты принадлежат иноязычным культурам. Тогда возникает необходимость в переводчике, который также выступает в роли адресата, но соединяет ее с функцией интерпретатора. В процессе перевода переводчик является активно действующим субъектом, который обладает двояким знанием о мире: с одной стороны, выработанным его культу-

рой знанием, с другой – знанием, накопленным культурой, выходцем из которой является автор. Поскольку вопрос о миропредставлении интересует нас в связи с проблемами перевода, постольку на первый план выдвигается языковой аспект: возможно ли знание о мире на уровне языка? Носит ли такое знание неявный характер? Является ли оно фактором контекста произведения?

Картина мира и контекст произведения

Разговор о знании мира подразумевает обращение к понятию картины мира. Предпосылкой неизбежного превращения мира в картину можно считать, по Хайдеггеру, платоновское понимание существа сущего как эйдоса (вида, облика) [1, с. 9]. Понятие как таковое возникает только в Новое время, когда «мир вообще становится картиной». Мир Хайдеггер определяет как «сущее в целом», включающее и космос, и природу, и историю, и некую основу мира. Картина мира понимается как «изображение мира», «как бы полотно сущего в целом», не просто «срисованное», но составленное: «Составить себе картину чего-то значит: поставить перед собой само сущее так, как с ним обстоит дело, и постоянно иметь его так поставленным перед собой». Решающим в понятии «картина мира», по мнению философа, является то, что «сущее... предстало нам во всем, что ему присуще и его составляет, как система». Существенным моментом, таким образом, является представленность мира как предмета, что и побуждает человека осмысливать мир как картину и думать о нем как о системе в смысле «структурного единства представленного», все проникающего своей системностью, в том числе и мышление [1, с. 8,14]. Представленность мира возможна в силу способности человека использовать свое сознание для собирания, составления и соединения представлений о мире в «совокупность представленности» [1, с.19]. Картина мира становится, таким образом, «конструктом опредмечивающего представления», в который сущее входит только «будучи предметно противопоставлено человеку» и только потому и существующее: «Бытие сущего ищут и находят в представленности сущего... где сущее не истолковывается в этом смысле, не может и мир войти в картину, не может быть картины мира» [1, с. 8–11].

Становится ясно, что в своем существовании картина мира зависит от человека. В Новое время человек получает благодаря Р. Декарту новый статус субъекта. Как полагает Хайдеггер, под субъектом следует понимать «под-лежащее, то, что в качестве основания собирает все на себе» [1, с. 8]. В отличие от античного человека, не отделявшего себя от мира, но открытого ему, и в отличие от средневекового человека, божественным образом предопределенного во всех проявлениях жизни, человек Нового времени – в силу уровня развития науки, а также утраты прежней веры в Бога – обретает новую свободу. Это свобода

«мысляще-представляющего существа», когда «человек в качестве субъекта поднял собственную жизнь до командного положения *всеобщей точки отсчета*» [1, с. 10], он теперь «исходная преданность, сама собой лежащая в основе и своих постоянных свойств, и своих переменных состояний» [1, с. 17]. Он – та самая мера Протагора. В связи с таким положением человека в мире, им самим определяемым, «сущее считается сущим постольку и в такой мере, в какой оно вовлечено в эту жизнь и соотнесено с ней, т.е. переживается и становится переживаемым» [1, с. 10]. Человек получает возможность проявлять свою индивидуальность, «смотря по тому, как сам себя понимает и волит, определять и осуществлять свою субъективность», т. е. в зависимости от того, что и в каком количестве он представляет перед собой в сущем и «встраивает образ опредмеченного сущего в мир как картину» [1, с.17, 19].

На наш взгляд, определяемый Хайдеггером подход к человеку-субъекту как всеобщей точке отсчета, «исходной преданности» в познании мира может выступать в качестве методологического основания в исследованиях роли картины мира в литературно-художественных произведениях, являющихся индивидуальными по своей сути творениями. Однако автор является носителем не только собственных представлений о мире. Одновременно он может являться членом семьи, литературного общества, гражданином своей страны, т.е. идентифицироваться по самым различным признакам, отражающим многообразие отношений, связывающих его с миром и другими людьми. Некоторые из этих отношений могут носить действительно личный характер. Но есть и связи, свойственные любому члену социума, т. е. социальные по своей природе. Оба типа факторов, характеризующих и фигуру автора, и фигуру адресата, образуют контекст произведения и оказывают влияние на его смысл и понимание. И личные, и социальные факторы заслуживают пристального внимания со стороны исследующего текст переводчика. Социокультурные факторы могут потребовать даже более тщательного изучения в силу их общепринятости, привычности, что препятствует их критическому анализу.

Картина мира и национальный язык

Одним из таких факторов, оказывающих существенное влияние на когнитивную деятельность, следует считать родной язык. Точнее те смыслы, которые кроются за лексическими единицами и их грамматико-синтаксическими комбинациями.

Где же мы черпаем обобщенные знания о мире? Всякое знание в какой-то степени формализуется в языке. Знание интересующего нас свойства фиксируется, прежде всего, в знаках естественного языка, доступного всем представителям данного (языкового) сообщества. Естественный язык усваивается в ходе установленного природой и со-

циумом развития индивидуума. Усваивая постепенно язык как речь и систему, человек усваивает и вошедшие в него представления о мире, выработанные носителями данного языка.

Речь идет о родном языке как источнике неявного знания о мире. Скрытый (контекстуальный) статус этого знания определяется коллективным происхождением языка. В данном аспекте язык рассматривался представителями философии языка Гумбольдтом и его последователями, ярким представителем которых является Й. Л. Вайсгербер. Его идеи анализирует отечественный исследователь неогумбольдтианства О. А. Радченко.

То, как Вайсгербер определяет понятие картины мира, позволяет осознать масштаб охвата языком универсума, объем когнитивных усилий по формированию представлений о мире, глубинный характер связи этих представлений с внутренним миром человека: «...каждая картина мира, которую сегодня наш родной язык передает каждому из нас, <...>, сложилась, выработалась трудами всех наших языковых предков»; картина мира «как духовная атмосфера, в которой всякий, рожденный в этом языковом сообществе, человек живет и дышит и с которой он считается как с чем-то естественно данным» [2, с. 234].

Выработанный коллективом язык дарует, передает каждому отдельному человеку «совокупность оформленного познания» [2, с. 233]. Язык закрепляет «схемы мира», которые в ходе повседневной практики становятся, по определению Г. Д. Гачева, привычными [3, с. 16]. Они естественны для сознания, которое не подвергает их критической оценке, а использует как некие готовые стандартные «мерки» в процессе познания мира. Использование таких унифицированных инструментов позволяет сообществу объединять опыт многих в одно целое, вырабатывая единое для всех понимание явлений действительности и языковых средств их обозначения. С помощью этих средств составляется картина мира этого сообщества, понятная каждому ее члену и позволяющая представителям данного сообщества общаться и понимать друг друга.

Таким образом, язык предоставляет средства для описания картины мира конкретного народа как присущего данному этносу целостного образа мира. В этой связи становится совершенно понятным и обоснованным взгляд позднего Вайсгербера на понятие «картина мира» как «процесс духовного воссоздания мира посредством слова». Тем самым, подчеркивает О. А. Радченко, Вайсгербер указывает на мирозадающие свойства языка [2, с. 235].

Такое понимание взаимосвязи картины мира и языка находит сторонников в современной отечественной науке. Способность языка моделировать мир в качестве общей совокупности значений, независимой от реальной действительности, обосновывает Б. А. Успенский [4, с.13,

103–104]. Исследуя проблемы функционирования современного русского языка в условиях массовой коммуникации, Т. В. Чернышова оперирует понятием «ментально-языкового пространства», на наш взгляд, удачным образом раскрывающим взаимосвязь и взаимообусловленность мышления, языка и представлений о мире постольку, поскольку это пространство, «в котором *ментальное* как фрагмент картины мира неразрывно соединено с языковым, поскольку образы социального целого, образы природы, представления о действительности и способах воздействия на нее, о месте человека в структуре мироздания и социума через языковое мышление интерпретируются и отражаются в языковой форме» [5, с. 248].

Очевидно, что знания о мире фиксируются в словаре конкретного языка. Однако лексический запас не может рассматриваться в качестве первичного основания, на котором складываются взгляды на мир. Эта основа антропологична по своему происхождению и сама покоится на определенном фундаменте. Вайсгербер определяет природу как «главную предметную основу» для картины мира того или иного языка. К ней он относит и такие факторы естественной среды, как почва, географические условия, в том числе климат, мир животных и растений. Эта основа, по его мнению, определяет в значительной степени «сферу мышления человека», поставляет человеку «предметные области, которые прежде всего расширяются и осмысляются в языке» [2, с. 235].

В отечественной научной литературе примером детального изучения, так сказать, природной стороны картины мира является исследование Г. Д. Гачева. В анализе национальных образов мира (таким термин предпочитает автор, находя, что, хотя он «более смутен, расплывчат, но и более широк и гибок» [3, с. 43]; автор также считает возможным использовать определения «национальный менталитет / ментальность», «национальная картина мира» или «национально-исторические особенности культур»), исходит из представления о «национальной целостности» – народе, стране или культуре – как Космо-Психо-Логосе, феномена, который представляет собой единство региональной природы, характера народа и его стиля мышления. Национальный образ понимается Гачевым как «особая структура общих для всех [народов. – Е.Б.] элементов» – пар противоположностей: пространства и времени, вертикальной и горизонтальной ориентаций в мире, мужского и женского начал, растительного и животного символизма, гонимости и ургии, вариантов религиозного чувства, сущности того или иного из «основных вопросов» и фигур-символов моделей мира. Природа, по мнению Гачева, есть первое и очевидное начало, «фактор постоянно действующий», в котором «коренится и образный арсенал национальной культуры (архетипы, символы), метафорика литературы, сюжеты искусства – все весьма стабильные». Природным фактором определя-

ется и корреляция между цветом и этическим понятием [3, с. 17-28]. Звуковые сочетания, характерные для фонетического ряда языка конкретного народа, также формировались в тесной взаимосвязи с окружающей природой, отражая сложившуюся в мышлении данного народа модель мира [3, с. 125].

Важно подчеркнуть, что «природа не просто отражается в языке, а получает в нем особенное оформление, характер которого, например, выбор признаков классификации, определяется созидательной силой человека» [2, с. 235]. Этот выбор задает направление и характер развития понятийной системы конкретного народа, системы, в которой находят свое выражение восприятие, понимание и ответная реакция представителей данной культуры на воздействие внешнего мира, но не всего универсума, а конкретной части пространственно-временного континуума. Общеизвестно, что наиболее ярко национальный способ видения мира бывает представлен в произведениях искусства. Поэтому особое значение приобретают исследования, посвященные связи национального духа с природой, к каковым относится работа Н. Бердяева «Мирозерцание Достоевского» [6, с. 134].

Особая часть пространства - времени означает различные условия проживания и, как следствие, отличающееся от других культур мировосприятие и представление мира. Известно, что даже если языковые культуры являются сходными в своих основах, включающих понятийный аппарат, содержание понятий может существенно отличаться. Эта разница увеличивается, когда в одном объеме мирового пространства есть явления, отсутствующие в другом (традиционными являются примеры, связанные с такими феноменами, как снег или цвет). Отсутствие явления приводит к отсутствию эквивалентных языковых средств, что порождает одну из серьезных проблем при переводе и вынуждает специалиста прибегать к какому-либо переводческому приему, чтобы адекватно передать смысл текста.

Итак, этническим образованиям свойственно консолидировать всю совокупность знаний о мире в своем национальном языке, значения которого, взятые в целом, могут рассматриваться как картина мира, выработанная конкретным этносом для обозначения мира в целом и с опорой на естественные природные основания, образующие глубинный слой значений языка. Эти корни настолько глубоко уходят в историю развития этносов, что степень осознания такого знания весьма низкая. Очевидно, что этот фактор следует считать одной из базовых компонент контекста произведения.

Картина мира – всеобщая структура

Как мы уже отметили, неявным для познающего субъекта является прежде всего знание о мире, выработанное его народом. Однако не всегда и не в полной мере. Доля неявного знания определяется ситуа-

цией. Согласно Б. А. Успенскому, «описание мира, заложенное в нашем языке, не задано как фиксированная система отношений», «<...> мы ее каждый раз задаем (воссоздаем) заново», «<...> с актуальной для нас – в данный момент речи – точки зрения...» [4, с. 104]. Таким образом, всегда есть подразумеваемая, не оформленная в слове информация, принимающая неявную форму в связи с ее неактуальностью, т.е. с отсутствием необходимости как-либо ее пояснять. Такую информацию имеют в виду, подразумевают, предполагают. Одним словом, субъект очерчивает определенный ситуационным контекстом круг, оставляя за этой ситуационной границей все то, что осталось, что не связано непосредственно с данной ситуацией, темой, предметом разговора и т.п.

Оставлено может быть очень многое. Содержание неявного знания определяется субъектом в рамках коммуникативной ситуации. Ведь каждый решает сообразно сложившимся обстоятельствам и преследуемым целям на чем сфокусировать внимание адресата. В этом – индивидуальность видения мира, которая влияет на выбор языковых средств, позволяющих представить свое восприятие перед другими субъектами. В этой связи Б. А. Успенский высказывается о субъективной реальности как об абсолютной, эгоцентрической реальности говорящего субъекта, основанной на индивидуальном опыте и субъективном мировосприятии [4, с. 34]. В ходе интерсубъективной коммуникации, обмениваясь личным опытом, субъекты «складывают» свои индивидуальные представления в одно единое, общее для всех. «Так формируется», – приходит к умозаключению Успенский, – «представление о реальности, не зависящей от отдельного человека...» [4, с. 35]. При этом «образ общей реальности, объединяющей нас всех» является, по его мнению, виртуальным, поскольку опосредствован языком, языковыми знаками, совокупность значений которых связывает мир объективной реальности и мир человека [4, с. 9–10]. Виртуальное же ассоциируется с понятием контекста, с тем, что не является очевидным, непосредственно воспринимаемым, но, тем не менее, существующим и существование чего субъект подразумевает.

В случае перевода субъектами коммуникации становятся лингвоэтнические сообщества. Общение протекает на межкультурном уровне. Если представления о мире каждого из субъектов этого процесса уникальны, как возможен обмен информацией о мире на таком уровне? Вероятно, ответ в универсальности понятия картины мира и его компонент. «Везде все есть, но в разных пропорциях», – указывает Гачев, что и позволяет определить картину мира (по Гачеву, национальный образ или модель мира) как особую структуру общих для всех элементов. Именно наличие в познавательном инструментарии всеобщей структуры позволяет осуществлять общение по поводу единственного для всех онтологического основания – универсума. Становится воз-

возможным сравнивать структурные компоненты схем мира иноязычных культур, находить соответствия на уровне содержания (мысли) и формы (языка), тем самым делается возможным и перевод. Совпадение или количественно-качественное сближение «пропорций» определяет приемы и конечный результат работы переводчика.

Библиографические ссылки

1. *Хайдеггер М.* Время картины мира // *Время и бытие: статьи и выступления.* М., 1993.
2. *Радченко О. А.* Язык как мирозидание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 2006.
3. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: Курс лекций. М., 1998.
4. *Успенский Б. А.* Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М., 2007.
5. *Чернышова Т. В.* Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2007.
6. *Бердяев Н.* Мирозерцание Достоевского. М., 2006.